

* * *

Всегда они подходят — дни такие,
К прекрасной простоте Великого поста.
Легки деревья — чёрные, нагие,
Ткёт вечер тишь воздушного холста.

Идёшь и остановишься, сражённѣй
Внезапным откровением весны.
Всё розово: снега, дома, вороны,
И тонок звон небесной глубины.

Деревья лишь черны. Когда с трамвая
Сойдёшь и примешь доброту дворов,
Подумаешь: откуда тишь такая,
Что целый мир благословить готов?

Всё миром полно. Нежен снег на крышах.
Всё чутко: лёд, эфир, огонь, слюда.
Всё тонким светом связано. И слышит
Твои шаги далёкая звезда.

Открыто всё и необыкновенно,
Доступно всем: лишь протяни ладонь.
Как будто из простых глубин Вселенной
Достали тихий, медленный огонь.

И то, что в ней, таясь от века, жило,
Вдруг к нам пришло, лишь только шум утих.
А может быть, она сама открыла
Простую тайну первых дней своих?

И вспомнишь вдруг, что дни такие были
В твоей судьбе, лишь в сердце загляни.
В мерцанье мягком золотистой пыли
Ты их узнаешь в розовой тени.

В них снова ищешь смысл, но вот ответа
Не жди — ведь этих тайн не обуздать.
И вновь благодаришь за всё за это:
За радость, тишину и благодать.

* * *

Помнишь, помнишь Первых Дней начало:
Свет декабрьский бледно-голубой...
Ведь у изголовья Ты стояла,
Ласково склоняясь надо мной.

Я тогда очнулся в час блаженный
И услышал первый лепет дня...
Ради этой памяти священной
Я прошу: «Не оставляй меня!»

А потом чудесное взросленье.
(Жар его доньне не остыл).
Помнишь, я взошёл на те ступени,
На которых с миром говорил

Я на равных, без гордыни тленной, —
Ведь со мной была любовь Твоя...
Ради доброты Твоей смиренной
Я прошу: «Не оставляй меня!»

Мир мужал, играя, хорошея,
Я — с ним вместе, милостью Твоей,
И, моё мужание лелея,
Стала Ты возлюбленной моей.

Помнишь ночи, помнишь превращенья
Звёзд — в огни далёкого жилья...
Ради тех полночных возвращений
Я прошу: «Не оставляй меня!»

И теперь, как раньше, суесловья
Не приемля, презирая ложь,
Вновь склоняешься над изголовьем,
Вновь мой путь незримо стережешь.

Свет Твой тот же. Так же тени сини
От деревьев голубого дня.
И такой же, как и раньше, иней, —
В колких искрах — смотрит на меня.

Но порою тёмное дыханье
Скудных будней — немоты детей,
Отдаляют от меня сиянье
Дней Твоих и нежности Твоей.

И тогда, боясь с Тобой расстаться,
Я молю тебя, о Гений мой:
«Помоги сама мне удержаться
На вершинах, избранных Тобой!»

Помоги. Пусть дух Твой светлокрылый
Не опустит светлые крыла.
Ты же помнишь, как Ты мир открыла
И как в дар его мне отдала?

Ты же помнишь нашей жизни взлёты:
Звёзды, волны, снег, сиянье дня...
Кто Ты? Кто Ты? Я не знаю, кто Ты...
Но молю: «Не оставляй меня!»

* * *

Рембрандт. «Возвращение блудного сына».
Всё кончится.
Омертвеет природа.
Умолкнет её голос.

Но как же пурпур и золото этих красок горячих?..

Разрушатся горы,
и высохнут реки.
Сгниют леса.

Но как же эти птичьи черты, окунувшись
в милосердную тень на родимой груди?..

Распадутся частицы
и исчезнут в пространстве.
Всё кончится.

Но как же эти тёплые руки на усталых плечах?
...Рембрандт. «Возвращение блудного сына».

* * *

Поглядите на птиц небесных...
Евангелие от Матфея, 6, ст. 26

Там и солнечнее, и тише,
Светом и небом живёт покой, —
Ласточке лишь под церковной крышей
Ведомо счастье, лишь ей одной.

Мы здесь, внизу, суету лишь слышим...
Ей же, щебечущей, ей — родной —
Ласточке лишь под церковной крышей
Тайна жизни известна одной.

Комфорт и довольство всего нам ближе,
И страшен нам призрак боли любой...
Ласточке лишь под церковной крышей
Смысл страдания открыт одной.

Здесь голос надежды всё тише, тише.
Здесь легче лёгкого сбиться с пути...
Ласточка лишь под церковной крышей
Знает, в чём утешенье найти.